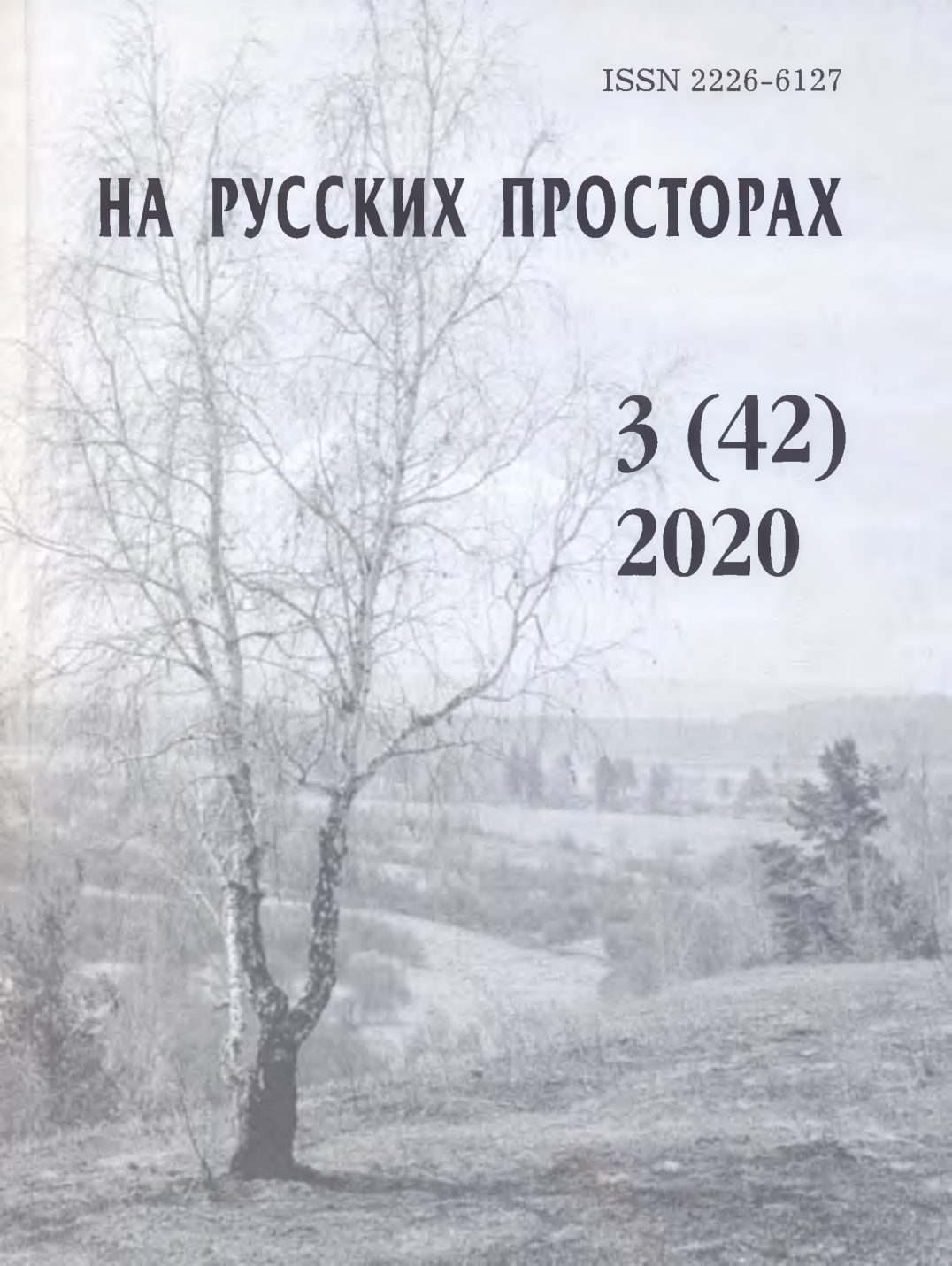

ISSN 2226-6127

НА РУССКИХ ПРОСТОРАХ

**3 (42)
2020**

Ирина Павлова¹

УЧЁТНО-ССУДНЫЙ БАНК ПЕРСИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

1

Развитие капитализма в России во второй половине XIX в. и расширение её геополитических интересов в этот период повлекли за собой появление новых форм взаимоотношений Царского правительства со странами Востока, и в частности, с соседней Персией. Активизация России в Персии, с которой она непосредственно имела общую границу, была вызвана её противостоянием с Англией в этом регионе. Как известно, в 1889 г. англичанин барон Юлиус Рейтер открыл в Персии Шахиншахский (или Императорский) банк, представлявший интересы своей страны в Персии². В ответ на это для усиления своих позиций в Персии, главным образом, в северных провинциях этой страны, царское правительство предоставило возможность частным российским предпринимателям получать концессии у шаха и разрешало им вкладывать свои капиталы в экономику Персии: рыбный промысел, создание торговых предприятий, строительство порта Энзели, обустройство дорог и пр.

Однако довольно скоро эти частные компании попали под контроль государственного капитала. Официально они оставались за-

¹ Павлова Ирина Константиновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики (Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна). Живёт в Санкт-Петербурге..

² Ананьич Б. В. Российское самодержавие и вывоз капиталов 1885–1914. По материалам Учётно-ссудного банка Персии. — Л.: Наука. Л.О., 1975. С. 25, 27.

регистрированы как частные, что давало возможность российскому государству юридически находиться вне сферы вмешательства во внутренние дела Персии, но практически оказались в руках государства. Свидетельством этому могут служить архивные данные о создании Учётно-ссудного банка Персии, который получил своё развитие на основе Ссудного общества Персии, частного предприятия, первоначально принадлежавшего Якову (1832–1909) и Лазарю (1849–1914) Поляковым³. Общество братьев Поляковых просуществовало всего три года с 1891 г. по 1894 г., так и не развернув полностью свои операции. На их предприятие в Персии сразу же обратил внимание новый министр финансов Российской империи С. Ю. Витте (1849–1915), как только он занял свой пост в 1892 г. Последний, выступая на Особом совещании в Сенате, подчеркнул необходимость создания в Персии кредитного учреждения с большим оборотом денежных средств. Министр предложил выкупить большую часть акций Ссудного общества братьев Поляковых, деятельность которого была не столь успешна, и превратить их предприятие в банк государственного типа, официально имеющего признаки частного учреждения. 4 мая 1894 г. проект С. Ю. Витте был обсуждён в Министерстве финансов и, спустя несколько дней, утверждён императором Александром III.

Вскоре Ссудное общество братьев Поляковых было выкуплено Министерством финансов России и реорганизовано в новое предприятие, получившее название Ссудный банк Персии. Отметим, что бывший владелец Яков Поляков отдал государству 3/4 акций. Его брат Лазарь Поляков в течение несколько лет ещё исполнял обязанности директора уже нового банка, но в конце 1890-х гг. братья Поляковы после многочисленных проверок со стороны Министерства финансов России были вынуждены совсем отказаться от своего участия в этом предприятии. Кроме этого, они передали новому банку свой ломбард, что впоследствии позволило новым владельцам выдавать местному населению небольшие денежные ссуды под залог имущества и недвижимости.

Итак, с 90-х гг. XIX в. в Персию через этот реорганизованный банк устремляются государственные капиталы России, которые вкладываются в займы, концессии, в чеканку монет и другие финансовые операции персов, т.е. Учётно-ссудный банк Персии стал проводником российской официальной политики в этой стране

³ Ананыч Б. В. Банкирские дома в России. Очерки по истории частного предпринимательства. — 2 изд. дополненное. — СПб.: Санкт-Петербургский Институт истории РАН, 2006. С. 81–86, 14.

с 1990-х гг. вплоть до 1920-х гг. Экономическая и финансовая деятельность банка довольно подробно освещена в монографиях акад. Б. В. Ананьича, а также в работах отечественных (С. Г. Беляев, И. А. Руковицин и др.) и зарубежных исследователей (Е. Andreeva, Atkin Muried, Katouzian Homa и др.).

В данной статье, на основе неопубликованных и до сих пор мало использованных историками материалов Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, Москва), рассматриваются архивные документы, связанные с взаимоотношениями российских банкиров с членами шахской семьи, персидскими купцами и местными агентами. Среди материалов фонда № 600 РГИА, содержащего сведения о деятельности Учётно-ссудного банка Персии, мы остановили своё внимание на двух неопубликованных до настоящего времени документах: «Дело о награждении персидских подданных орденами и медалями» и «Дело о покупке кинематографа». Обнаруженные нами сведения в Архиве внешней политики Российской империи проливают сведения на создание банком разветвлённой сети его агентств по всей Персии.

2

В 1898 г. председателем правления банка стал Пётр Львович Барк (1869–1937)⁴. В состав правления вошли как представители государственной власти, так и члены императорской фамилии: великие князья Романовы (Владимир Александрович, Андрей Владимирович, Кирилл Владимирович). Банк быстро набирал обороты. Вскоре 77 процентов акций уже принадлежали государственным чиновникам, т.е. российское государство стало практически хозяином предприятия.

В 1902 г. произошла ещё одна реорганизация банка, который получил название Учётно-ссудный банк Персии. Банк наделялся следующими функциями: предоставлять займы правящему шаху

⁴ П. Л. Барк занимал пост председателя правления Учётно-ссудного банка с 1898 по 1905 гг., само же правление Учётно-ссудного банка Персии находилось в Санкт-Петербурге, в доме 30/32 по Екатерининскому каналу (совр. назв. канал Грибоедова), в том же здании, где располагался Государственный банк России. После Октябрьской революции в России в 1917 г. Учётно-ссудный банк Персии продолжал проводить небольшие операции в Тегеране. Он прекратил своё существование только в 1921 г., когда, согласно условиям подписания Советско-иранского договора, советское правительство передало его персидскому шаху. Прим. автора.

Мозаффар ад-Дину (1896–1907) и его окружению, активно развивать русскую торговлю в Персии, обеспечивать сбыт русских товаров, выдавать местному населению российские кредитные билеты, проводить меры по ограничению распространения английских товаров в северных районах Персии. Всё это позволяло русским активно вмешиваться во внутренние дела персов и соблюдать свои политические и экономические интересы в этой стране.

Вскоре Учётно-ссудный банк, кроме перечисленных выше функций, уже имел полномочия скупать земли у местного населения, особенно в северных районах страны и на побережье Каспийского моря. В отношении же своих соотечественников банк начал проводить все операции, связанные с ввозом русских товаров в Персию и их продажей, а также вывозом персидских в Россию. Таким образом, он стал посредником между русскими фабрикантами и персидскими купцами, как правило, клиентами банка. Без участия Учётно-ссудного банка не проходила ни одна процедура по оформлению русскими предпринимателями концессий у шахского правительства: на строительство шоссейных дорог, на право рыбной ловли, обустройства порта Энзели и проч. Члены правления банка сами становились акционерами того или иного крупного проекта. Так, директором строительства Энзели-тегеранской дороги стал упомянутый выше председатель банка П. Л. Барк. Постепенно Учётно-ссудный банк открыл 5 своих агентств на территории России: в Ашхабаде (Асхабаде), Баку, Ереване, Джульфе, Мерве и Москве. В самой же Персии существовало 5 крупных отделений в главных городах страны: Мешхеде, Реште, Тавризе (совр. Тебриз), Керманшахе, Тегеране и 9 небольших агентств в городах: Барфурше, Бендер-Гязе, Исфахане, Казвине, Кучане, Сабзеваре, Урмии, Хамадане, Энзели⁵.

Русское генеральное консульство в Тавризѣ.

Ген. консульство..., там располагалось тавризское (тебризское) отделение Уч.-ссудного банка Персии

⁵ Дела Учётно-ссудного банка Персии. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Персидский стол», оп.400, д.916, 1900–1921.

Зачастую Учётно-ссудный банк открывал свои отделения там, где начинала работать какая-либо российская компания или строиться очередной участок шоссейной дороги. Так, в донесениях корреспондента журнала «Новое время» В. А. Шуфа⁶ встречается описание тавризского отделения банка: «...Это превосходный банк, основанный по мысли графа Витте, как общество Тавризской дороги...его постройка лучшая в Тавризе. Два его дома служащих банка и роскошная вилла управляющего А. И. Анастасинского тонут среди миндальных и персиковых деревьев. Сад прямо чудесен. На страже виллы стоят персидские казаки. Самый банк, находящийся в центре Тавриза, напоминает солидный барский особняк». Из его же донесения явствует, что банк совершал операции не только в русских рублях, но и в персидских кранах⁷. Таким образом, денежные операции банка были рассчитаны на привлечение финансов не только российских предпринимателей, но и персов. Денежный оборот в персидских кранах позволил банку увеличить объём своих торговых операций с местным населением, выдавая им подтоварные ссуды и удобный для них кредит.

Расширение функций банка вызывало недовольство целого ряда русских компаний, пострадавших от неожиданной конкуренции со стороны банка. Ещё один русский путешественник, Б. М. Гурьев, проезжая через Тавриз, писал: «Здание нашего отделения Учётно-ссудного банка Персии находится в минутах двадцати езды от дома управляющего. Оно расположено около самого базара. В первой комнате, у входа, находится выставка образцов русских товаров». Таким образом, помещение банка использовалось для своеобразной рекламы русских товаров, особенно если учесть его местоположение вблизи городского базара.

Управляющие отделениями и агентствами Учётно-ссудного банка являлись также информаторами о происходящих в своих городах событиях. Будучи свидетелями увиденного, они сообщали в своих депешах сведения об обстановке в городе Э. К. Грубе, начальнику центрального отделения банка в Тегеране. Последний, в свою очередь, передавал полученную от них информацию в Санкт-Петербург. Так, Э. К. Грубе, основываясь на донесениях представителя тавризского отделения господина Борового, сообщал в своей телеграмме от 22 мая 1903 г. о крупных волнениях в Тавризе: «...

⁶ Шуф (Борей) Владимир Александрович (1865–1913) — поэт Серебряного века, публицист, корреспондент. В литературных кругах был известен под псевдонимом Борей. В конце 1911 он отправился из Санкт-Петербурга в Персию в качестве корреспондента журнала «Новое время».

⁷ Кран — иранская разменная денежная единица в 1825–1932 годах.

Тавриз. Беспорядки. Базары закрыты. Банк тоже. Беспорядки направлены против нового тарифа новой дороги, против европейцев на персидской службе, против продажи крепких напитков, школ... Полный хаос таможенного управления»⁸. Подобные сообщения очень важны для понимания начала революционных массовых выступлений персов, приведших страну к конституционной революции 1905–1911 гг.

Дирекция банка чётко действовала в рамках геополитических интересов России. Так, выполняя условия договора 1907 г. о разделе сфер влияния в Персии между Россией и Англией, Учётно-ссудный банк прекращает свои операции и закрывает отделение в провинции Сеистан, которая по упомянутому соглашению находилась в зоне англичан.

В 1915 г. основной капитал Учётно-ссудного банка составлял уже 11,875 миллионов руб. К этому времени российские промышленники практически могли внедрять свои проекты в Персии только при посредничестве Учётно-ссудного банка, который давал разрешение на проведение тех или иных начинаний. Напротив, те предложения, которые не отвечали интересам Дирекции банка или вызывали у его руководства сомнения, оставались невыполнимыми. Так, был отклонён проект, имя автора которого пока не удалось установить, о строительстве керосинового провода через территорию Персии от побережья Каспийского моря до Персидского залива. Особое совещание в Санкт-Петербурге, рассматривавшее этот вопрос не без участия банка, вынесло решение «оставить без последствия». Вполне возможно, на это повлияли геополитические соображения участников совещания, не стремившихся вступать по этому строительству в переговоры с англичанами.

3

Наряду с выполнением вышеперечисленных функций Дирекция банка в Тегеране внимательно следила за работой русских подданных и своих чужеземных помощников — агентов, которые были выходцами не только из Персии, но и также из Азербайджана, Средней Азии и Европы. Последние не только проводили свои операции через банк, но и оказывали русским банкирам «различные услуги». Анализируя архивные материалы РГИА, можно представить чёткую картину того, какие именно услуги оказывали те или

⁸ Дело о дорожном строительстве в Персии. Департамент железных дорог в России МФ. РГИА. Ф.268, оп. 2, д.3875, ед. хр.1036,1902–1903.

иные партнеры, и выяснить, какими именно русскими орденами и медалями они награждались Учётно-ссудным банком. Это были: золотая медаль на ленте Св. Анны; орден Св. Анны I степени и 3 степени; орден Св. Станислава 2 степени и 3 степени.

Правление банка тщательно изучало списки лиц, представленных к наградам отделениями и агентствами, сохраняя за собой право оставлять некоторые кандидатуры без поощрений. Так, в архивных материалах банка, датируемых мартом 1905 г., есть данные о том, что Дирекция банка, рассматривая список лиц к награждению, отказала представить к награде двух человек по тавризскому отделению: чиновника по иностранным делам (каргузара) Амир Тумана Хаджи Моззахера ад-Доуле и церемониймейстера двора наследника престола Амир Мирза Хабибу. В резолюции указывалась, что «они имеют только косвенное отношение с Банком и награждаются миссией через Министерство иностранных дел».

В «Деле о награждении» приводится специальная таблица, согласно которой можно определить имя награждаемого, его национальность, с каким отделением банка он сотрудничал, чем занимался и мотивацию для награждения. Данный список утверждался также русской миссией в Тегеране. Из исследуемой таблицы явствует, что в начале марта 1905 г. (очевидно, это проводилось по итогам предыдущего года) правление Учётно-ссудного банка наградило 20 человек: 12 из них сотрудничали с тегеранским отделением, 7 — с тавризским и один — с мешхедским. Из них можно выделить две категории награждаемых: к первой относились служащие, ко второй — купцы, тесно связанные с банком. Среди них 18 человек были купцами или торговыми агентами, а двое — переводчиками, в частности Мирза Сайид Абдулла хан, старший переводчик тегеранского отделения, работавший там уже в течение четырнадцати лет. Кроме своей непосредственной работы, он информировал банк о платёжности и надёжности клиентов. Мирза Сайид был награждён Орденом Св. Анны 3-ей степени.

В списке среди награждённых купцов на первом месте стоял МоавинТоуджар. В письме-ходатайстве управляющего мешхедским отделением от 23 февраля 1905 г. указывалось: «Покорнейше прошу исходатайствовать ему [МоавинТоуджару-И.П.] золотую медаль на шею, так как дать ему серебряную медаль было бы не совсем удобно». Кандидатуру упомянутого купца поддержал лично П. Л. Барк.

По тегеранскому отделению был представлен к награде золотой медалью на ленте Св. Анны на шею Хаджи Сайиид Хосайн Ладжи-

верди, так как он был «крупным маклером по сахарным и чайным сделкам, очень полезный человек для Банка и вообще для русской торговли в Персии». Судя по награде, Хаджи Сайид сообщал вполне полезную информацию русским. Такой же награды был удостоен Хаджи Мохаммад Багир Асанов, занимавшийся импортом из России стеклянных и медных изделий.

Многие из купцов, как явствует из таблицы, сотрудничали с русскими фабрикантами и промышленниками ещё до основания банка. Они торговали с Россией около 30 лет, пользовались безукоризненной репутацией в торговом мире, способствовали ввозу русской мануфактуры в Персию. Среди них назовём имена Хаджи Мирза Али Исфакхани, Каспар-хана Тер-Мелькумова, Хаджи Абдулла Мохаммада.

В упомянутой таблице встречается имя офицера бельгийской армии в отставке Жозефа Флебюса, который в ту пору занимал должность директора почтовых дел в Азербайджане. Он сумел организовать регулярное сообщение с Джульфой, причём довольно часто: три раза в неделю, что помогало банку оперативно пользоваться обменом информацией с Россией. Кроме этого, как указывалось в ходатайстве о его награждении: «Благодаря ему, Банком заключены с почтой льготные контракты на пересылку денежных сумм для всех корреспондентов Банка». Правление наградило Жозефа Флебуса орденом Св. Анны 3-ей степени.

Правление учитывало также срок службы представленного к награде. Так, на ходатайство Бендер-гязского агентства о награждении своих сотрудников к новому 1914 году золотыми часами фирмы Эриксона или Буре с монограммой Банка, оно ответило отказом «ввиду кратковременности функционирования» агентства, которое работало только полтора года, с середины 1912 г. Вполне возможно, на это решение повлияла также стоимость часов. По подсчётам дирекции, сумма покупки составила бы 400–600 руб.

Вышеприведённые сведения свидетельствуют о довольно значительном круге местных купцов, работающих для Учётно-ссудного банка Персии, о разветвлённой сети своих агентов во многих городах страны, добывающих важную информацию для банка и поддерживающих русскую торговлю. Упомянутые российские награды, вручаемые иностранцам, и в России имели высокую степень важности, поэтому можно считать достаточно высоким уровень отношений между двумя странами.

Деятельность Учётно-ссудного банка, как явствует из архивных документов, не ограничивалась только финансовыми и торговыми операциями в Персии. Председатель правления банка П. Л. Барк и заведующий центральным тегеранским отделением Э. К. Грубе соблюдали определённый политический политес по отношению к шаху и его окружению, преподнося последним дорогостоящие подарки. Так, в архивных документах банка нами было обнаружено «Дело о покупке кинематографа», проливающее свет на взаимоотношения руководства банка с членами шахской семьи⁹. В частности П. Л. Барком был сделан весьма неординарный подарок наследнику престола Мохаммаду Али. Мотивы такого подношения, вероятно, кроются, прежде всего, в желании укрепления дальнейших российско-персидских отношений уже после прихода наследника к власти. Добавим также о том, что в эти годы правящий шах Мозаффарад-Дин был болен, часто впадал в припадки и, действительно, через три года скончался в 1907 г. Поэтому расчёт П. Л. Барка, на наш взгляд, очевиден. Следует добавить, что ещё раньше в одном из донесений управляющего тавризским отделением банка сообщалось: «.. при посещении дворца [наследника — И. П.] постоянно приходится раздавать на “чай” и затем как и мне, так и жене, которая посещает принцессу, необходимо время от времени делать подарки». В упомянутом «Деле о покупке кинематографа» содержатся телеграммы, письма, накладные, посылаемые из Тегерана в Санкт-Петербург и обратно, связанные с покупкой киноаппарата и кинолент («движущиеся картинки»), предназначенных в качестве подарка наследственному принцу (Валиахду).

В телеграмме Э. К. Грубе от 4 ноября 1904 г. из Тегерана в Санкт-Петербург говорилось: «Прошу выслать возможной скоростью предложенный подарок Наследнику кинематограф с набором картин. Для картин, кроме обычных весёлых сюжетов, прошу доставить снимки частной жизни царского семейства, железной дороги, событиях войны [Русско-японской войны 1904–1905 гг. — И. П.], всё это тщательно уложить несколько ящиков отправить почётными посылками, расчётом получить здесь конец ноября». Отметим, что строительство железных дорог в Персии появится только после 1910 г., поэтому эти сюжеты явно должны были заинтересовать наследника. Вместе с тем необходимо было выслать электромотор стоимостью 1 200 руб. и ди-

⁹ Дело о покупке кинематографа. Учётно-ссудный банк Персии МФ. РГИА. Ф. 600, оп. 4, д. 33, ед. хр. 150, 1904–1905.

намашину (совр. электрогенератор постоянного тока) весом 20–22 пуда для освещения показа фильмов.

В Петербурге отреагировали на этот запрос не замедлительно. Необходимые картины были отобраны в двух тогда известных петербургских фотосалонах: пер-

Царское село, ул. Широкая, дом, где находилось фотоателье придворного фотографа К.Е. Гана

вый из них принадлежал придворному фотографу К. Е. Гану, хозяином второго был владелец торгового дома и магазина «фотографических принадлежностей» Ф. Иоахим. Они представили в правление банка список картин, которые П. Л. Барк тщательно изучил. Он выбрал из каталога К. Е. Гана, занимающегося хроникой императорского двора, такие картины как: «Прибытие императорской яхты Александрия», «Ливадия. Танцующие Великие княжны во дворце», «Ливадия. Отъезд Его Величества», «Юбилей Санкт-Петербурга. Открытие Троицкого моста» [имеется в виду празднование 200-летия города — И.П.] и другие картины подобного плана. Общая стоимость этих документальных фильмов, протяжённостью 475 метров, составила 712 руб. 50 коп. В магазине Ф. Иоахима были заказаны 37 кинематографических картин (1080 метров), таких как «Катание на лодках», «Засада», «Нападение на поезд» и др. стоимостью 864 руб. и 45 картинок, очевидно, имеются в виду слайды для «волшебного фонаря», на сумму 60 руб 70 коп. Стоимость одного слайда, как указывалось в докладной записке, составляла 1 руб 35 коп. Таким образом, заказ у Ф. Иоахима вышел на сумму 924 руб. 70 коп. Судя по названиям фильмов, в фотомагазине последнего были куплены в основном художественные фильмы.

Анализируя каталог проекционных картин магазина Ф. Иоахима, а он содержал 587 рубрик, обратим внимание на рубрику № 562 с заголовком «Персия». В ней перечисляется 18 названий картин, непосредственно касающихся истории, архитектуры, культуры этой страны. Например, «Персия, дервиш и нищий», «Тегеран», «Персияне» и проч. В настоящий момент трудно сказать, каким

образом эти фильмы попали в магазин Ф. Иоахима, но наличие их свидетельствует о спросе зрителей и о желании русских людей познакомиться с историей и культурой своего ближайшего соседа.

В общей сложности правление Учётно-ссудного банка Персии, включая стоимость всех покупок, транспортировку груза и его страховку, заплатило за «удовольствие наследника» немалую по тем временам сумму 4113 руб.65 коп. По одной из накладных, содержащихся в «Деле», узнаём, что транспортировкой груза и его страховкой занималось Российское транспортное и страховое общество, известное своей деятельностью в Персии ещё с 1844 г.

Тем не менее, именно такой подарок русских (напомним, что Учётно-ссудный банк Персии являлся филиалом государственного банка России и представлял интересы своей страны) был действительно неординарным, дорогим по своей стоимости и, несомненно, должен был заинтересовать наследника, так как кинематограф в Персии в то время был практически неизвестен и являлся техническим новшеством даже для персидской знати. Тщательный подбор подарка П. Л. Барком и стоимость подношения показывают, что для укрепления русско-персидских отношений высокопоставленные чины России готовы были пойти на любые варианты. Доставить этот подарок необходимо было именно в г. Тавриз (Иранский Азербайджан) в резиденцию наследника Мохаммада Али, а не в Тегеран, где находился шах со своей свитой. В депеше П. Л. Барка перед управляющим тавризским отделением банка В. Будиловичем была поставлена задача донести до наследника информацию о том, что киноаппарат с фильмами является эксклюзивным подарком Учётно-ссудного банка Персии. Кроме этого, демонстрировать показ фильмов предназначалось только для наследника и, стационарно установив киноаппарат во дворце Мохаммада Али, не перевозить его в Тегеран. В частности, П. Л. Барк писал: «Кинематограф, как Вам известно, предназначен в качестве подарка Наследнику шахского престола, должен быть преподнесён Вами Его Высочеству и установлен г. Николаевым во дворце Валиахда, вследствие чего демонстрация его в банке или посторонним лицам является, конечно, нежелательной».

Доставить все сделанные закупки из Санкт-Петербурга в Тавриз поручили классному техническому мастеру Михайловской артиллерийской академии А. Н. Николаеву. Последний получил от банка на проезд 500 руб. и в качестве поощрения после выполненной работы 450 руб. (сначала ему выдали в качестве премии 300 руб., а затем из-за трудностей переезда ещё 150 руб.). Перед

своим отъездом А. Н. Николаев дал обязательство довести всё это имущество в целости и сохранности, подключить аппарат для просмотра фильмов во дворце наследника, а также обучить пользоваться кинопринадлежностями и динамомашинной кого-либо из персонала Мохаммада Али. Естественно, что никто из персов ещё не имел опыта обращения с киноаппаратом.

Из документов известно, что А. Н. Николаев выехал из Петербурга 25 декабря 1904 г. и 8 января прибыл в Тавриз, т.е. его переезд длился 15 дней, и даже Новый 1905 годон был вынужден встретить в дороге. 10 января прибыли киноаппарат и динамомашинная, а 13-го числа этого же месяца доставлены киноленты. Всё это перевозилось через персидскую таможню в г. Джульфе.

Зима в ту пору в Иранском Азербайджане была довольно холодной, в Тавризе морозы достигали минус 20 градусов. Несмотря на холод и длительный путь, все кинопринадлежности дошли до Тавриза в хорошем состоянии, кроме динамомашинной, из которой после тряски в дороге вылетели нужные болты и сломались пластины. В течение нескольких дней А. Н. Николаев с помощью молодого человека из прислуги наследника, татарина по происхождению — Багирова, устранили поломку и привели всё необходимое для просмотра кинолент в рабочее состояние. За эти же дни А. Н. Николаев обучил Багирова техническим приёмам для дальнейшей работы.

В воскресенье 16 января 1905 г. наследнику был вручён подарок Учётно-ссудного банка, и в этот же день прошёл первый показ фильмов. Об этом В. Будилович сообщал председателю банка П. Л. Барку: «Кинематограф произвёл на Его Высочество самое лучшее впечатление. Во время представления я сидел рядом с Его Высочеством, в то время как все приглашённые стояли. Я объяснял Валиахду содержание каждой картины. Его Высочество также занимало меня разговорами на русском языке, на котором он, если не стесняется, говорит довольно хорошо. Особенное впечатление на Его Высочество произвели парады, смотры [войск — И.П.] и петербургские улицы. Валиахд всё время мечтает о поездке в Петербург, в чём ему Правительство [шаха — И.П.] постоянно отказывает. Видя пробегающие картины [Петербурга — И.П.] Валиахд всё время удивлялся и повторял: «Когда же, наконец, я сам все это увижу?»».

После просмотра наследник заявил, что «в Тегеране у Шаха видел слабое подобие, но такого киноаппарата у Шаха нет». Как предположил В. Будилович, «у шаха, вероятно, находился волшебный фонарь-диарама», поэтому преподнесённый киноаппарат был

в новинку наследнику и его приближённым. В заключение сеанса и общения с В. Будиловичем Мохаммад Али даже похвастался и сказал, что сам умеет фотографировать. Он попросил управляющего купить ему «небольшой современный аппарат для моментальных съёмок». Случайно (или намеренно был приготовлен?), но фотоаппарат в этот момент также оказался при В. Будиловиче. Последний в своём упомянутом письме сообщал: «Мне оставалось одно — просить Его Высочество принять этот аппарат». Валиахд был чрезвычайно тронут присланными подарками. В благодарность наследник решил послать председателю банка П. Л. Барку свою фотографию. При этом он добавил: «Я поищу фотографию, снятую с меня в Тегеране, она, кажется, лучше прежних. Если же не найду, то нарочно снимусь».

Так закончился первый показ фильмов во дворце наследника, правление банка планировало провести ещё подобные сеансы, тем более, что через месяц в начале марта того же года прибыла вторая партия кинолент из фотосалона К. Е. Гана. Очевидно, в первую посылку не вошли все отобранные ранее фильмы. Второй сеанс показа фильмов состоялся 11-го марта упомянутого года. В своей докладной П. Л. Барку В. Будилович писал: «Эта серия доставила Его Высочеству особенное удовольствие, и он просил меня выразить Вам особенную Его признательность за все труды и прекрасный подарок и переслать Вам на добрую память приложенную при сём фотогрпафическую карточку с его собственной подписью». Как мы видим, Мохаммад Али выполнил своё данное ранее обещание и переслал председателю банка свою фотографию. Ещё одно свидетельство хороших отношений наследника с банком.

Предполагалось продолжить киносеансы, так как планировалось, что наследник будет оставаться в Тавризe ещё длительное время. Однако 15 марта, буквально через 4 дня после показа, Мохаммад Али, получив телеграмму о плохом состоянии здоровья своего отца, срочно выехал в Тегеран. В своей депеше в правление банка В. Будилович сообщал крайне важные сведения о состоянии дел в Тавризe: «Валиахд выехал настолько экстренно, что он не дождался своего нового заместителя нового наследника Низам ас-Салтане, который прибывает только в конце недели. Так как в городе голод и страшная нужда, благодаря стачке помещиков, удерживающих хлеб в амбарах, то все ожидали с отъездом Валиахда голодного бунта простонародья, т.е. разноса амбаров и домов известных повышателей цен... Благодаря бездорожью, банк, к сожалению, не может сейчас вмешаться в это дело». Скорее всего, под последней фразой имелось в виду, что

банк не мог ускорить приезд нового наследника Низам ас-Салтане. Здесь же В. Будилович сообщал о возможности прихода к власти Мохаммада Али: «Говорят, здоровье Шаха настолько плохо, что много вероятности в том, что Валиахд заменит его окончательно. Говорят, умственные способности Шаха совершенно ослабели, он страдает нервными припадками, вроде эпилепсии».

На этом сюжете заканчивается «Дело о покупке кинематографа», очевидно, дальнейшие революционные события в Персии в 1905 г. и прогрессирующая болезнь Мозаффар ад-Дина не позволили устраивать такие дружеские сеансы управляющего тавризским отделением банка с наследником Мохаммадом Али. Может быть, в этом отпала необходимость, ведь киноаппарат был уже установлен во дворце наследника, и был подготовлен для демонстрации фильмов, как уже упоминалось, механик Багиров. Задумка П. Л. Барка подарить наследнику киноаппарат с фильмами была выполнена блестяще.

Согласно анализируемым данным, можно говорить о том, что демонстрация фильмов из России формировала мировоззрение персидской знати, открывала перед ней возможность познакомиться не только с Россией, но и с европейскими техническими новшествами. Упомянутый подарок Учётно-ссудного банка явился толчком к появлению и развитию киноискусства в этой стране.

Таким образом, рассмотренные материалы российских архивов, часть которых до сих пор остаётся вне поля зрения исследователей, являются важным дополнением к уже известным фактам о деятельности Учётно-ссудного банка Персии. Они служат яркой иллюстрацией, демонстрирующей разнообразные функции банка, направленные на развитие и укрепление русско-персидских отношений. Всё вышесказанное ещё раз подтверждает прочные позиции Учётно-ссудного банка Персии в этой стране, представлявшего государственные интересы России. Для официальных российских властей существование такого финансового монополиста в Персии было крайне важно в связи с обостряющимся соперничеством в этом регионе с Англией. Обнаруженные нами документы демонстрируют, каким образом через деятельность банка российское правительство смогло значительно расширить сферы своего влияния в Персии, и свидетельствуют о государственном вмешательстве царской России во внутренние дела персидского государства.

Санкт-Петербург